

Шпитонок

Рассказ

I

Было очень раннее утро. Ночная темнота чуть-чуть по-редела, как одна из заботливых хозяек деревни Пуриковой, Маланья Гарина, уже вскочила с постели, накинула на вскосмаченную голову платок, пошатываясь подошла к окну и выглянула на улицу.

На улице было темно и тихо. Хотя на востоке загора-лась заря и звезды начинали тускнеть, но в Пуриковой все еще спали.

Время было -- вторая половина августа. Везде шло яро-вое жнитво, во время которого в поле рано не ходят, а дожи-даются, когда сойдет роса, поэтому вставать и не заботи-лись.

Видит Маланья, что светает уже, решила больше не ложиться и отошла от окна, подошла к рукомойнику и стала умываться.

Пока умывалась и молилась Маланья, делалось все светлее и светлее. В избе уже можно было все разглядеть: и пост-ланную на полу широкую соломенную постель, на которой спали большой косматый мужик, муж Маланьи, и двое ребятишек -- девочка лет десяти и мальчик лет пяти; и стол, и лавку, и коник, где лежала куча разного тряпья. Помо-лившись, Маланья подошла к постели и стала толкать му-жа ногой.

-- Аксен, а Аксен!

-- А-а? -- заспанным голосом промычал Аксен и, не от-крывая глаз, начал почесываться.

-- Будет дрыхнуть-то, вставай!

-- Что такое там? -- пробормотал Аксен и, поднявши голову, стал протирать глаза.

-- Что? Вставать пора, чай, косу бить надо.

Аксен ничего не сказал, а молча поднялся с постели, подошел к конику, сел на пего и стал набивать трубку. Маланья пошла доить коров.

Когда Маланья, подоивши коров, вернулась в избу, Аксен все еще сидел на конике и курил. Маланья осер-дилась.

-- Ишь надымил, дышать нельзя...

-- А ты не дыши, кто тебя заставляет? -- выколачивая трубку, проворчал Аксен.

-- Не дыши,-- вот горазд ты незнамо что молоть-то, а нет того, чтобы поскорее за дело взяться.

-- За какое? Коров доить? Пожалуй, без привычки-то все соски пооборвешь.

-- Тебя коров доить не заставляют.

-- А печку топить -- бороду спалишь; это вам потому и бороды-то не дано, что печку топить положено.

-- Вот и поговори с дураком,-- уже совсем разозлив-шись, сказала Маланья и, процедив молоко, подошла к по-стели и стала толкать спавшую там девочку.

-- Дашка, а Дашка! Дашка!

Девочка что-то промычала, но не очнулась. Маланья взяла ее за плечо и стала трясти.

-- Дашка! Тебе говорят-то, вставай!

Девочка опять что-то промычала, но не просыпалась. Маланья совсем из себя вышла.

-- Да что ж ты не встаешь-то, дрыхня этакая! -- крикнула она.-- На вилах, что ли, подымать? Вставай!

И Маланья так тряхнула девочку, что та сразу вско-чила на ноги и заплакала.

-- Что захныкала? Спать бы тебе все, крапивница! А нет заботушки, чтобы пораньше встать да что-нибудь матери пособить! У, выпороток.

Девочка сразу замолчала и как-то съежилась. Постояв ми-нуту на одном месте, она подошла к рукомойнику и стала умываться.

- Ворочайся проворней да за грибами ступай, беги ме-ста-то, пока другие не захватили,-- крикнула Маланья.

Дашка нагнулась под лавку и стала что-то шарить там. Ты что там еще лазишь?

Да обуться во что бы, а то холодно,-- как-то жалобно пропищала Дашка.

Я те дам холодно,-- крикнула Маланья.-- Ишь какая нежная, знать, правда все шпитонки-то на дрожжах заме-шены. Так ступай: нечего без поры безо времени обуть тре-пать.